Изумление Хан Сиэня длилось лишь мгновение, и он тут же выбросил это из головы. Раз уж в этом мире существовал такой чужак, как он сам — способный слышать чужие мысли, — то вполне могли найтись и те, чей разум оставался абсолютно закрытым. Ничего удивительного в этом не было.

В глазах Ань Цао жесты молодого господина оставались прежними: Хан Сиэнь так же неторопливо и размеренно брал со стола сладости. Со стороны его мимолетное замешательство осталось совершенно незамеченным.

На первом этаже сухо стукнула деревянная колотушка-синму. Престарелый сказитель завершил сегодняшнее выступление привычной присказкой: «А коли хотите узнать, что сталось дальше, приходите на следующий сказ». Слушатели давно привыкли, что их обрывают на самом интересном месте, а потому внизу лишь раздался дружный гул одобрения и шквал рукоплесканий.

Ань Цао украдкой покосился на своего господина — виновника всех этих сплетен, которыми сейчас забавлялась праздная публика, — и втайне поразился его невозмутимости. Для юноши, которому еще не исполнилось и пятнадцати, Хан Сиэнь держался слишком уж бесстрастно, чем до жути напоминал главу дома. Стоило Ань Цао вспомнить холодный, пронизывающий взгляд Хан Чжо, когда он докладывал тому о делах наследника, как по спине слуги пробежал морозный трепет.

В знатных семьях законы суровы. Ань Цао не сомневался: не затребуй молодой господин его купчую себе, в герцогском поместье он не дожил бы и до именин старой госпожи.

Впрочем, после того короткого, но врезавшегося в память разговора Ань Цао укрепился в мысли: если наследник сумел без лишнего шума разузнать о его прошлом столько подноготной, за ним определенно стоит держаться. Теперь, когда вся прислуга двора оказалась в одной лодке с Хан Сиэнем, им оставалось лишь молить небо, чтобы тот благополучно выжил и без помех унаследовал герцогский титул.

Хан Сиэнь, разумеется, видел насквозь все метания слуги. Ему было глубоко безразлично, насколько преданы его люди и какие корыстные помыслы они лелеют. Пусть суетятся и строят планы — как бы они ни изворачивались, прыгнуть выше головы им все равно не суждено.

Хан Сиэнь неторопливо доел последнее пирожное. Он действительно любил еду. За те десять лет, что он провел в заточении, его кормили либо насильно, либо через капельницу с питательным раствором, поэтому теперь сама возможность самостоятельно протянуть руку и взять лакомый кусочек казалась ему истинным проявлением свободы.

Закончив с угощением, он промокнул губы шелковым платком и, почувствовав, что силы наконец вернулись к нему, поднялся, чтобы расплатиться и уйти.

Хан Сиэнь остался доволен сегодняшней прогулкой. Не меньше радовался и трактирный слуга, снующий между этажами. Поначалу, принимая столь важного гостя, юноша изнывал от

тревоги, опасаясь навлечь на себя гнев капризного господина. Кто же знал, что тот окажется на редкость покладистым: просидел все время в тишине и, кроме сладостей, ничего не требовал. Для бесправного люда, выживающего на самом дне, подобное отношение было истинным благословением.

На выходе из отдельного кабинета Хан Сиэнь столкнулся с соседом, как раз покидавшим смежные покои. Незнакомец при виде юноши едва заметно опешил. На его лице не дрогнул ни один мускул, однако в глубине его разума отчетливо, словно удар колокола, прозвучало имя:

«Хан Сиэнь»

Хан Сиэнь с интересом изогнул бровь. Встреча и впрямь вышла занятной. В прошлой жизни ему довелось мельком увидеть этого человека в поместье маркиза Цзинго. Перед ним стоял не кто иной, как третий принц — Цзи Ло. По материнской линии они приходились друг другу двоюродными братьями.

Черты лица Цзи Ло еще не до конца утратили подростковую мягкость, однако за изразцовым изгибом бровей и твердым, ясным взглядом уже угадывался будущий статный красавец. И все же внимание Хан Сиэня привлекли именно глаза принца — глубокие, подернутые недетской дымкой пережитых невзгод. Столь тяжелый, полный горького опыта взор никак не вязался с обликом пятнадцатилетнего юноши.

Даже для заброшенного, обделенного отцовской лаской принца, с пеленок познавшего коварство дворцовых интриг, его взгляд казался чересчур опустошенным и скорбным. К тому же сейчас Цзи Ло никоим образом не мог знать своего кузена, с которым они ни разу в жизни не виделись.

«Какая поразительная тайна», — мысленно усмехнулся Хан Сиэнь.

В мыслях принца больше не промелькнуло ни звука — глухая, непроницаемая тишина. Подобное самообладание вызывало уважение. Хан Сиэнь вежливо склонил голову в мимолетном приветствии, словно они были случайными прохожими. В этой жизни он намеревался сполна насладиться каждым днем, а значит, дорожки их с Цзи Ло пересекутся еще не раз. Времени впереди предостаточно, так что спешить с разгадкой этой тайны не стоило.

Когда Хан Сиэнь скрылся за поворотом, Цзи Ло еще долго смотрел ему вслед. В его душе бушевал вихрь противоречивых чувств. Он прекрасно помнил этого юношу. Родство обязывало их быть опорой друг для друга, но пропасть между их сословиями в прошлой жизни так и не позволила им сблизиться. За все годы они едва ли обменялись парой десятков слов.

Кровь, которая текла в жилах Хан Сиэня, обрекала его на вечные унижения в стенах родного дома. Но кузен вовсе не был беззащитной жертвой. Всего через год он устроит в герцогском поместье такой разгром, который лишит пятого принца, Цзи Хуая, его главного покровителя в борьбе за престол. А после — потрясет всю столицу, наложив на себя руки и оставив после

себя лишь осквернённое имя и руины некогда могущественного клана.

Хан Сиэнь ушел неприкаянным, не оставив ни супруги, ни наследников. Родня презирала его настолько, что после его кончины никто и не подумал усыновить для него дитя из боковых ветвей, чтобы ухаживать за его могилой. Так он и остался одиноким скитальцем — как при жизни, так и после смерти, лишенный даже ритуального дыма благовоний.

Позже, когда Цзи Ло пришел к власти, он, не желая, чтобы его престарелая бабка проливала слезы над горькой долей внука, велел отыскать сироту среди обедневших сородичей Хань и записать его сыном покойного кузена. Только так несчастный смог получать подношения в загробном мире.

Встреча с кузеном всколыхнула в памяти Цзи Ло пласты старых воспоминаний, и когда перед мысленным взором предстал образ одного человека, в груди болезненно заныло. Он невольно прижал ладонь к сердцу — туда, куда в его кошмарах раз за разом вонзался град вражеских стрел.

Цзи Ло резко тряхнул головой, отгоняя зловещее наваждение. В этой жизни он ни за что не допустит прежней трагедии.

А что касается его строптивого, обделенного судьбой кузена… Что ж, придется приглядеть за ним. Пусть поживет подольше.

Хан Сиэнь, хоть и отметил про себя странности в поведении принца, зацикливаться на них не стал. Едва его нога ступила за порог трактира, он выбросил эту встречу из головы. Когда же он вернулся в свои покои, там его уже дожидалась Сян Цинь — личная служанка герцога Хан Чжо.

Не удостоив служанку и взглядом, Хан Сиэнь бесшумно опустился на кушетку, после чего выразительно посмотрел на Би Хуа, а затем — на свое предплечье. Та на мгновение растерялась, но тут же сообразила, в чем дело: рана молодого господина требовала ухода. Девушка поспешила в комнату за снадобьями и чистыми повязками.

Из-за долгой ходьбы порез на руке снова воспалился, и сквозь ткань проступила кровь. В любом другом доме служанки уже принялись бы охать и умолять поберечь себя, но обитатели Дворика Вутонов слишком хорошо знали крутой нрав своего господина, чтобы докучать ему непрошеными советами.

Как только рану перевязали, Хан Сиэнь лениво повернулся к гостье и негромко спросил:

— Отец прислал тебя с поручением?

Под его ледяным, пронизывающим взором Сян Цинь почувствовала себя крайне неуютно —

словно в кожу вонзились тысячи невидимых игл. С трудом подавив дрожь, она поспешно заговорила:

— Господин изволил заметить, что подаренный императором фиолетовый женьшень слишком тяжел для ослабленного организма. Поэтому сегодня он лично приобрел у заезжих купцов корень тысячелетнего женьшеня и велел передать вам. Его милость наказывал отрезать по паре ломтиков каждый день и держать под языком или же заваривать целебный отвар. Это непременно вернет вам силы.

Служанка с поклоном протянула обтянутую парчой шкатулку. Юнь Чжи, отвечавшая в доме за пищу и лекарства господина, дождалась едва заметного кивка Хан Сиэня и лишь тогда осторожно приняла подношение.

На лице Хан Сиэня отразилось глубокое, почти благоговейное почтение.

— Передай отцу мою сыновнюю признательность, — проникновенно произнес он.

Сян Цинь поклонилась и повернулась к Юнь Чжи:

— Начни готовить отвар уже сегодня вечером. Нельзя затягивать с лечением молодого господина.

Юноша продолжал кротко улыбаться, но Сян Цинь не покидало смутное ощущение подвоха, природу которого она никак не могла уловить. Уходя, она еще раз украдкой оглянулась на наследника, но, так ничего и не заметив, лишь покачала головой, списав все на собственную мнительность.

Как только шаги служанки стихли за воротами, маска сыновней преданности мгновенно слетела с лица Хан Сиэня. Взглянув на изящный ларец, он презрительно усмехнулся и направился во внутренние покои.

«Тысячелетний женьшень трижды в день для истощенного тела… Даже почтенный лекарь Чжоу не осмелился бы прописать подобный яд. Неужели Хан Чжо и впрямь держит меня за неразумное дитя, не способное отличить заботу от изощренного убийства?»

Юнь Чжи в растерянности прижимала к себе ларец. Круглолицая, миловидная и простодушная по натуре, она нерешительно шепнула старшей служанке:

— Сестрица, неужели нам и правда придется варить это сегодня? — Последний взгляд господина явно не предвещал ничего хорошего.

— Глупости не болтай, — нахмурилась Би Хуа. — Герцог прислал подарок из отеческой любви, и мы обязаны его приготовить. Иначе молодого господина обвинят в непочтительности к

родителям.

А вот куда денется готовое снадобье — выльют ли его дворовому псу или удобрят им чахлые кусты в саду, — служанок волновать не должно. Их дело — безукоризненно исполнить приказ.

Следующие полмесяца Хан Сиэнь провел на редкость тихо, не давая родне ни единого повода для беспокойства. Но однажды, созерцая унылые садовые клумбы, он вспомнил об одном живописном уголке герцогской усадьбы.

Поместье герцога Хань славилось на всю столицу своим персиковым садом. Каждую весну, в пору буйного цветения, госпожа Лю рассылала от имени дома приглашения — знаменитые «таохуа-тэ» — знатным матронам, юным барышням и молодым господам. Праздник любования цветами служил благовидным предлогом для тайных смотрин: здесь благородные семейства присматривали выгодные партии для своих чад.

Получить заветную карточку от клана Хань считалось величайшей привилегией. На эти торжества съезжался лишь самый изысканный цвет столичного общества, и супруги новоиспеченных чиновников из кожи вон лезли, чтобы удостоиться подобной чести.

Хан Сиэнь никогда не отказывал себе в мимолетных капризах. Раз уж ему пришла в голову мысль взглянуть на знаменитый сад, он немедленно переоделся и велел Ань Цао сопровождать его.

До весеннего тепла было еще далеко, и голые раскидистые ветви персиковых деревьев являли собой довольно унылое зрелище. Но Хан Сиэня это ничуть не заботило. Он с нескрываемым удовольствием разглядывал пустынные аллеи, прекрасно помня, что именно здесь в его прошлой жизни разразился грязный скандал, запятнавший имя семьи: тайные любовники, потеряв голову от страсти, предались греху прямо под сенью опадающих лепестков.

Та лунная ночь и бесстыдно сплетенные тела посреди усыпанной лепестками земли наделали много шума в столице. Сад был не слишком велик, но спланирован на редкость искусно. В самом его сердце высилось несколько изящных беседок для отдыха гостей. Прогуливаясь в превосходном расположении духа, Хан Сиэнь почувствовал легкое утомление и решил укрыться в одной из них.

Однако не успел он сделать и десятка шагов к павильону, как дорогу ему преградила запыхавшаяся незнакомая служанка. Выпучив глаза, девица бесцеремонно зыркнула на него и заносчиво выпалила:

— Ты еще кто такой?! Там благородные барышни изволят отдыхать, а ты прешь напролом! Не ровен час, смутишь девичий взор! А ну убирайся отсюда поживее!

Хан Сиэнь окинул наглую девицу неторопливым взглядом. Его глаза опасно сузились, а тонкие губы изогнулись в мягкой, почти ласковой улыбке.

— Пошла вон, — не повышая голоса, процедил он.

http://bllate.org/book/20088/2001972